Кл 22/158

БИБЛІОТЕКА
ПРОФЕССОРА
Г. Е. ЖУРАКОВСКОГО

ПСЕВДО-ПЛУТАРХЪ.

О воспитаніи дѣтей.

801-16
2301

ПЕРЕВОДЪ
Е. К. Семеновскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. А. Яворскаго

И ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ
проф. Е. А. Боброва.

(Оттискъ изъ журн. „Вопросы Педагогики“).

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1913.

БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
96506-60

2015187867

Псевдо-Плутархъ.

О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

ПЕРЕВОДЪ

Е. К. Семеновскаго.

Въ виду отсутствія на современномъ русскомъ языкѣ перевода этого сочиненія я въ 1910 г. предложилъ на денежную премію студентамъ перевести его. За переводъ взялся Е. К. Семеновскій, уже получившій передъ тѣмъ премію за сочиненіе по педагогикѣ на мою же тему: „Сравненіе педагогики Локка съ педагогиками Аристотеля и Руссо". Переводъ Е. К. Семеновскаго, по моему представленію, былъ удостоенъ отъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Варшавскаго университета преміи.

При печатаніи этого перевода трудъ по сличенію его съ греческимъ текстомъ и редактированіе его любезно взялъ на себя *А. А. Яворскій*, за что́ и переводчикъ, и редакція приносятъ ему искреннюю благодарность.

Проф. Е. А. Бобровъ.

---

1. Предметомъ нашего изслѣдованія будетъ то, что можно сказать о воспитаніи дѣтей хорошаго происхожденія и о способахъ, пользованіе которыми сдѣлаетъ ихъ благонравными.

2. По-моему, однако, слѣдуетъ начать съ самаго происхожденія ребенка. И вотъ я бы предложилъ тѣмъ, которые желаютъ быть отцами дѣтей славныхъ, не сожительствовать съ порочными женщинами: я имѣю въ виду, напримѣръ, гетеръ и наложницъ; вѣдь дѣтей, рожденныхъ отъ порочной связи со стороны отца или матери, всю жизнь гнетётъ неизгладимый позоръ низкаго происхожденія, и они всегда, т. ск., подъ рукою для всякаго желающаго ихъ безчестить и поносить. Мудръ былъ тотъ поэтъ, который сказалъ: „когда основаніе рода заложено неудачно, то потомство, по необходимости, должно быть несчастнымъ“ [1]). Дѣйствительно, благородное происхожденіе является прекраснымъ хранилищемъ возвышенныхъ качествъ, и на это болѣе всего должны обратить вниманіе тѣ, которые имѣютъ желаніе законнаго дѣторожденія. Безчестное и запятнанное происхожденіе подавляетъ и убиваетъ высокія стремленія, и поэтъ совершенно правъ, когда говоритъ: „И смѣлый, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ робость, когда знаетъ грѣхи за своимъ отцомъ или матерью“ [2]). Съ другой стороны, дѣти знатныхъ родителей бываютъ насквозь пропитаны хвастовствомъ и заносчивостью. Въ самомъ дѣлѣ, передаютъ, что Діофантъ, сынъ Ѳемистокла, часто и притомъ многимъ лицамъ говорилъ, будто бы аѳинскій народъ живетъ его желаніями. Вѣдь, дескать, чего онъ самъ желаетъ, того желаетъ и его мать, чего мать его—того и Ѳемистоклъ, чего Ѳемистоклъ, того и всѣ аѳиняне. Очень похвально выдающееся благоразуміе лакедемонянъ, которые наказали денежнымъ штрафомъ своего царя Архидама за то, что онъ осмѣлился жениться на женщинѣ низкаго роста, и, какъ на основаніе этого наказанія, указывали на то, что онъ—де собирается народить имъ не царей, а царьковъ.

[1]) Eurip. Herc. f. 1261.
[2]) Eurip. Hipp. 424.

3 Затѣмъ слѣдуетъ коснуться того вопроса, который еще раньше насъ былъ затронутъ другими. А именно: тѣ, которые сходятся съ женами ради дѣторожденія, должны передъ этимъ или не пить вина совершенно, или, по крайней мѣрѣ, въ умѣренномъ количествѣ. Въ противномъ случаѣ дѣти, которыхъ отцы произвели въ опьяненіи, являются любителями вина и даже пьяницами. Объ этомъ сказалъ и Діогенъ, замѣтивъ изступленаго и безумствующаго молодого человѣка: „твой отецъ, молодчикъ, зачалъ тебя въ нетрезвомъ видѣ“. Вотъ это относительно зарожденія дѣтей.

4. Теперь о воспитаніи. По вопросу о хорошихъ духовныхъ качествахъ слѣдуетъ сказать, вообще, то же самое, что́ мы обыкновенно говоримъ относительно наукъ и знаній, а именно: для достиженія добропорядочности должны направляться къ одной цѣли три условія: природа, обученіе и привычка. Подъ словомъ „обученіе“ я разумѣю образованіе, а подъ „привычкою“—упражненіе. Начальные задатки принадлежатъ природѣ, успѣшное развитіе ихъ зависитъ отъ обученія, полезные результаты—отъ упражненія, а завершеніе—ото всего этого въ совокупности. И потому, если чего-нибудь изъ этого не будетъ доставать, то и „добродѣтель“, по необходимости, будетъ въ этомъ отношеніи несовершенна. Вѣдь природа безъ ученія слѣпа, ученіе безъ природы (природныхъ способностей) недостаточно, а упражненіе безъ обоихъ—несовершенно. Какъ при земледѣліи прежде всего нужна плодородная земля, а затѣмъ опытный хлѣбопашецъ и хорошія сѣмена, точно такъ же и здѣсь: природа соотвѣтствуетъ землѣ, воспитатель — земледѣльцу, правила и наставленія—сѣмени. Смѣю думать, что указанныя условія соединились и дѣйствовали согласно въ душахъ прославленныхъ всѣми людей, каковы Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ и, вообще, всѣ, достигшіе безсмертной славы. Счастливъ, конечно, и является любимцемъ боговъ тотъ, кому то или иное божество предоставило все это. Однако, если кто-нибудь думаетъ, что родившіеся безъ природнаго дарованія и получившіе должное наставленіе и упражненіе въ добродѣтели совсѣмъ не могли

бы устранить этого природнаго недостатка, тотъ пусть знаетъ, что онъ впадаетъ въ немалое или, скорѣе, величайшее заблужденіе. Вѣдь если бездѣйствіе губитъ природныя дарованія, то ученіе исправляетъ ихъ недостатки; и если легкое ускользаетъ отъ насъ, благодаря нашей небрежности, то трудное достигается стараніемъ. Внимательное наблюденіе надъ многими явленіями даетъ намъ возможность замѣтить, какое значеніе имѣютъ стараніе и трудъ. Водяныя капли выдалбливаютъ скалы; желѣзо и мѣдь стираются отъ частаго прикосновенія рукъ; съ большимъ усиліемъ стянутыя колеса въ колесницахъ, что бы съ ними ни дѣлали, не могутъ принять прежняго, прямого направленія; въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никакая сила не можетъ выпрямить кривыя палки актеровъ. Такъ, что сдѣлало искусство (вопреки природѣ), то становится, благодаря труду, сильнѣе самой способности природы. Но это ли только доказываетъ силу старанія? — Нѣтъ, кромѣ этого, существуетъ безчисленное количество другихъ примѣровъ. Поле, которое по природѣ такъ плодородно, дѣлается безплоднымъ отъ нерадѣнія, и чѣмъ лучше оно бываетъ по своей природѣ, тѣмъ безплоднѣе оно становится, когда остаётся невоздѣланнымъ вслѣдствіе беззаботности. Напротивъ того, иная твердая и даже очень каменистая почва, при извѣстномъ уходѣ за нею, скоро приноситъ прекрасные плоды. Не становятся ли деревья кривыми и неплодоносными вслѣдствіе пренебреженія, и не дѣлаются ли они плодоносными и притомъ плодовитыми при правильномъ за ними уходѣ? Какая тѣлесная сила не ослабляется и не гибнетъ отъ бездѣйствія, изнѣженности и худого сложенія? Какая, напротивъ, природа столь слаба, чтобы, благодаря упражненіямъ въ гимнастикѣ и борьбѣ, не получила большой силы? Какія хорошо выдрессированныя смолоду лошади не повинуются всадникамъ? и сколько, напротивъ, найдётся такихъ, во-время не обученныхъ, которыя не остались дикими и неукротимыми? И зачѣмъ намъ удивляться чему-нибудь другому, когда мы видимъ уже множество самыхъ дикихъ животныхъ, дѣлающихся кроткими и ручными, благодаря стараніямъ?

Прекрасно высказался также одинъ ѳессаліецъ, когда на вопросъ: какіе изъ ѳессалійцевъ самые кроткіе, отвѣтилъ: „тѣ, которые окончили военную службу“. Да и надо-ли объ этомъ много говорить? Вѣдь и „характеръ“ *) есть не иное что, какъ долговременная привычка, и кто нравственныя качества назовётъ добродѣтельными привычками, тотъ ни чуть не ошибётся. Воспользовавшись еще однимъ примѣромъ въ доказательство этого, я и прекращу изслѣдованіе даннаго вопроса. Ликургъ, лакедемонскій законодатель, взявъ двухъ щенковъ отъ однихъ и тѣхъ же производителей, выростилъ ихъ совсѣмъ непохожими другъ на друга; одного онъ сдѣлалъ прожорливымъ и необузданнымъ псомъ, а другого — способнымъ къ охотѣ и выслѣживанію звѣря. Затѣмъ, когда лакедемоняне однажды собрались вмѣстѣ, онъ сказалъ: „привычки, воспитаніе, наука и наставленія, господа лакедемоняне, оказываютъ громадное вліяніе на пріобрѣтеніе добродѣтели, и я сейчасъ докажу вамъ это наглядным примѣромъ“. Потомъ онъ привелъ двухъ собакъ и, поставивъ посередкѣ, прямо противъ нихъ, кушанье и пустивъ зайца, предоставилъ имъ свободу. И одинъ пёсъ устремился на зайца, а другой поспѣшилъ къ корму. Но, такъ какъ лакедемоняне все еще не догадывались, въ чемъ тутъ дѣло и съ какой цѣлью онъ показывалъ имъ собакъ, Ликургъ сказалъ: „оба эти пса произошли отъ однихъ и тѣхъ же родителей, но, благодаря различному воспитанію, которое они получили, одинъ вышелъ прожорливымъ, а другой — охотничьею собакой“. О пріученіи и наставленіи жизни сказано нами вполнѣ достаточно.

5. Теперь мы перейдемъ къ вопросу о кормленіи. По моему мнѣнію, матери сами должны питать своихъ дѣтей и кормить ихъ грудью; онѣ будутъ дѣлать это съ бо́льшимъ расположеніемъ и съ бо́льшимъ стараніемъ, ибо изъ утробы и, какъ говоритъ пословица, отъ нѣжныхъ ногтей онѣ возлюбили своихъ дѣтей. Между тѣмъ кормилицы и няньки, какъ

*) на греческомъ языкѣ.

любящія за вознагражденіе, проявляютъ къ дѣтямъ вынужденное и обманчивое благорасположеніе. Да и сама природа ясно указываетъ матерямъ на ихъ обязанность кормить грудью и подкрѣплять тѣхъ, которыхъ сами онѣ произвели на свѣтъ; именно потому всякое рождающее животное природа снабдила пищею, состоящей изъ молока. Мудро, конечно, и Провидѣніе, которое дало женщинѣ двѣ груди, чтобы въ случаѣ рожденія двойней, близнецы могли имѣть двойной источникъ для кормленія. Но и независимо отъ этого, любовь и расположеніе къ дѣтямъ*) будутъ значительно сильнѣе. И, клянусь Зевсомъ, не безъ основанія: постоянное общеніе есть какъ-бы напряженіе благосклонности. Вѣдь извѣстно, что и звѣри тоскуютъ при разлукѣ съ тѣми, вмѣстѣ съ которыми они питались. Такимъ образомъ, особенно, какъ я сказалъ, нужно заботиться о томъ, чтобы матери сами вскармливали своихъ дѣтей. Если же имъ невозможно будетъ дѣлать это либо вслѣдствіе тѣлеснаго недуга (вѣдь можетъ случиться что-нибудь и въ такомъ родѣ), либо потому, что онѣ спѣшатъ опять родить, то необходимо, по крайней мѣрѣ, брать въ кормилицы и няньки не первыхъ попавшихся женщинъ, но, на сколько это возможно, наиболѣе пригодныхъ для этой цѣли и прежде всего съ добрыми нравами гречанки. Ибо, какъ членамъ дѣтскаго тѣла нужно тотчасъ послѣ рожденія давать извѣстное направленіе, чтобы они выростали нормальными и твердыми, точно такъ же съ самаго начала слѣдуетъ упорядочивать и нравы дѣтей. Дѣтская душа пластична и гибка, и науки въ нѣжныхъ еще душахъ дѣтей глубоко запечатлѣваются; напротивъ, все твердое съ большимъ трудомъ размягчается. И равно, какъ печати производятъ оттиски на мягкомъ воскѣ, такъ и науки запечатлѣваются въ дѣтскихъ еще душахъ. Божественный Платонъ даётъ кормилицамъ отличное, какъ мнѣ кажется, предостереженіе: не разсказывать дѣтямъ нелѣпыхъ сказокъ, чтобы съ самаго начала души ихъ не заражались глупостями и вредными заблужденіями. Да и поэтъ Фокилидъ даетъ прекрасный совѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ дѣтскомъ еще возрастѣ надо учиться прекрасному“.

*) При кормленіи грудью.

6. Не слѣдуетъ упускать и того, что ровесники, которые будутъ прислуживать питомцамъ и вмѣстѣ съ ними расти, должны быть прежде всего благонравными, далѣе, говорить чисто по-гречески, дабы, находясь въ общеніи съ людьми грубыми и нравственно испорченными, дѣти не переняли отъ нихъ чего-либо дурного и, по общеупотребительной складной пословицѣ, не стали бы прихрамывать, живя съ хромымъ.

7. Когда дѣти достигли того возраста, что должны вступить подъ надзоръ педагоговъ, тогда необходимо особенное вниманіе удѣлять выбору послѣднихъ, чтобы не ввѣрить своихъ сыновей невольникамъ, грубіянамъ или негоднымъ лицамъ. Поведеніе большинства въ данномъ случаѣ въ высшей степени смѣшно. Лучшіе изъ рабовъ получаютъ надзоръ за земледѣліемъ, судоходствомъ, торговлею, хозяйствомъ, вексельнымъ дѣломъ, а если окажется кто-нибудь изъ невольниковъ — пьяница и обжора, неспособный ни къ какой работѣ, то ему безъ малѣйшихъ сомнѣній вручаютъ своихъ сыновей. Между тѣмъ хорошій воспитатель долженъ быть съ такими природными качествами, какими обладалъ Фойниксъ, воспитатель Ахиллеса. Теперь я скажу о томъ, что̀ считаю самымъ главнымъ и наиболѣе существеннымъ насчетъ вышесказаннаго. Необходимо подыскивать своимъ дѣтямъ учителей безукоризненнаго образа жизни и нравственности, притомъ обладающихъ громадною опытностью. Вѣдь нравственно-совершенное воспитаніе является источникомъ и основаніемъ добродѣтельной жизни и честности. И какъ садовники ставятъ тычинки подлѣ растущаго деревца, такъ и хорошіе учители поддерживаютъ юношей полезными совѣтами и наставленіями, чтобы у нихъ вырабатывались добрые нравы. При такомъ положеніи дѣла слѣдуетъ, скажутъ иные, заплевывать тѣхъ отцовъ, которые прежде, чѣмъ испытать будущихъ наставниковъ, по своему невѣжеству, а иногда и

по неопытности, ввѣряютъ дѣтей людямъ дурнымъ и пользующимся плохой репутаціей. Это еще не такъ смѣшно, если случилось по незнанію: но вотъ что крайне нелѣпо. Что же именно? То, что родители иногда, несмотря на предупрежденія болѣе свѣдующихъ лицъ и зная насчетъ неопытности и негодности тѣхъ или иныхъ воспитателей, все-таки вручаютъ имъ своихъ дѣтей, одни—уступая угодливымъ льстецамъ, а другіе—удовлетворяя просьбамъ друзей; происходитъ то же самое, какъ если бы какой-нибудь больной пренебрегъ опытнымъ въ своемъ дѣлѣ врачемъ и, угождая другу, предпочёлъ бы того, который уморитъ его въ силу своей неопытности, или какъ если бы кто-нибудь удалилъ самаго искуснаго шкипера и, по просьбѣ друга, принялъ очень плохого. Зевсъ и всѣ боги! можетъ ли называться отцемъ тотъ, кто обращаетъ больше вниманія на удовольствіе просящихъ, чѣмъ на воспитаніе дѣтей? Или развѣ не основательно говорилъ часто извѣстный мужъ Кратесъ, что, если бы это было возможно, онъ поднялся бы на самое высокое мѣсто въ городѣ и громко закричалъ бы: „люди, куда вы стремитесь, все стараніе прилагая на пріобрѣтеніе богатства. но мало заботясь о сыновьяхъ, которымъ его завѣщаете?“ Къ этому я добавлю, что подобные отцы поступаютъ точно такъ, какъ если бы кто-нибудь заботился объ обуви и пренебрегалъ ногами. Многіе отцы въ скупости и пренебреженіи къ своимъ дѣтямъ идутъ такъ далеко, что для того, чтобы не давать бо̀льшаго вознагражденія, отыскиваютъ дешевое невѣжество и самыхъ недостойныхъ лицъ дѣлаютъ воспитателями своихъ дѣтей. Вотъ почему и Аристиппъ во время бесѣды далъ одному такому безтолковому отцу тонкій, но язвительный отвѣтъ. Когда кто-то спросилъ Аристиппа, какую плату онъ взялъ бы за воспитаніе ребенка, Аристиппъ отвѣтилъ: „тысячу драхмъ”. Когда же тотъ сказалъ: „ты, право, черезчуръ много просишь: вѣдь я могу купить за эти деньги невольника”, Аристиппъ отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ, ты будешь имѣть двухъ рабовъ: сына и того, что́ купишь”. И, вообще, въ высшей степени нелѣпо, пріучая, напр., дѣтей ѣсть правою

рукой и наказывая, если они протянутъ лѣвую руку, въ то же время ничуть не заботиться о томъ, чтобы дѣти выслушивали „правыя“ и честныя рѣчи. Я покажу теперь, какихъ результатовъ достигаютъ эти отмѣнные отцы, хорошо вскормившіе, но плохо воспитавшіе своихъ сыновей. Когда такіе сыновья достигаютъ мужественнаго возраста и, пренебрегая всякимъ хорошимъ и благоразумнымъ образомъ жизни, предаются неумѣреннымъ и гнуснымъ наслажденіямъ, тогда родители, при видѣ печальныхъ послѣдствій ихъ безчестныхъ поступковъ, жалѣютъ и скорбятъ о томъ, что пренебрегли дѣтскимъ воспитаніемъ. Ибо сыновья, возмужавъ, одни — держатъ льстецовъ и паразитовъ, низкихъ и презрѣнныхъ людей, обольстителей юношества, другіе—достаютъ себѣ наложницъ и распутныхъ женщинъ, которыя переборчиво требуютъ большихъ расходовъ на удовлетвореніе своихъ прихотей, третьи—проматываютъ имущество, четвертые—предаются игрѣ въ кости и веселымъ пирушкамъ, нѣкоторые же безчестятъ себя и болѣе дурными пороками, любодѣйствуютъ, развратничаютъ и за мигъ удовольствія готовы рисковать своей жизнью. Если бы они были въ общеніи съ какимъ-нибудь философомъ, они не предавались бы такимъ порокамъ—и во всякомъ случаѣ знали бы наставленіе Діогена, который въ рѣзкихъ, но безусловно основательныхъ словахъ даётъ такой совѣтъ: „посѣти когда-нибудь вертепъ, чтобы узнать, что нѣтъ никакой разницы между цѣннымъ и дешёвымъ”.

8. Однимъ словомъ, я утверждаю (хотя я—потому что повторяю одно и то же—могу показаться скорѣе сумашедшимъ, чѣмъ серьёзно разсуждающимъ), что хорошее воспитаніе и должное обученіе являются единственно важнымъ, или вѣрнѣе—первымъ, среднимъ и заключительнымъ дѣломъ въ данномъ случаѣ, и, говорю, что это, именно, направляетъ къ добродѣтели, и слѣдовательно, ко счастью. Вѣдь другія человѣческія блага и, ничтожны, и недостойны пламеннаго къ нимъ стремленія. Знатное происхожденіе, конечно, благо, но оно наслѣдіе предковъ. Богатство цѣнно, но оно зависитъ отъ судьбы, которая сплошь и рядомъ у однихъ отни-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

маетъ его и неожиданно передаетъ другимъ; громадное богатство составляетъ цѣль жизни для тѣхъ, которые обыкновенно „стрѣляютъ“ по чужимъ карманамъ, примѣрно, непотребныхъ рабовъ, а также доносчиковъ,—и, что́ самое главное,— даже самые негодные люди могутъ быть богаты. Слава, конечно, достойна уваженія, но не постоянна. Красота очень желательна, но непрочна. Здоровье цѣнно, но измѣнчиво. Сила достойна стремленія, но, вслѣдствіе болѣзни и старости, легко утрачивается. При томъ крайне заблуждаются тѣ, которые кичатся своей тѣлесной силою. Вѣдь, что представляетъ собою сила людей въ сравненіи съ силою другихъ тварей? Я имѣю въ виду, напримѣръ, слоновъ, быковъ и львовъ. Изо всѣхъ нашихъ благъ одна лишь наука, какъ нѣчто божественное, безсмертна. Вѣдь два начала изо всѣхъ: разумъ и рѣчь — самыя важныя въ человѣческой природѣ. Разумъ управляетъ рѣчью, а рѣчь повинуется разуму, который не поддаётся случаю, не можетъ быть уничтоженъ ни клеветой, ни болѣзнью и съ возрастомъ не ослабѣваетъ. Одинъ только разумъ, старѣясь, снова молодѣетъ, и всеистребляющее время награждаетъ старость большею разсудительностью. Даже война, которая, подобно бурному потоку, все уноситъ съ собою, не можетъ уничтожить одного лишь—образованія. Мнѣ очень нравится отвѣтъ мегарскаго философа Стильпона Деметрію. Когда Деметрій, покоривъ и разрушивъ городъ, спросилъ Стильпона: не лишился ли онъ чего-нибудь, послѣдній сказалъ: „конечно, нѣтъ! вѣдь добродѣтель на войнѣ добычею быть не можетъ“! Подобный отвѣтъ далъ также и Сократъ. Когда Горгій, какъ мнѣ помнится, спросилъ Сократа, какого онъ мнѣнія о могучемъ царѣ (персидскомъ) и считаетъ ли его счастливымъ, то Сократъ сказалъ: „я не знаю, насколько онъ силенъ въ добродѣтели и образованъ“, потому что счастье заключается въ этихъ двухъ, а не въ случайныхъ дарахъ судьбы.

9. Совѣтуя придавать особенное значеніе воспитанію дѣтей, я снова настаиваю на томъ, что необходимо придерживаться правильнаго и разумнаго воспитанія. Какъ можно старательнѣе слѣдуетъ отвлекать своихъ сыновей отъ тѣхъ вздорныхъ рѣчей, какими кичатся народные ораторы. Вѣдь нравиться толпѣ—значитъ не нравиться мудрымъ. Мои слова подтверждаются свидѣтельствомъ и Эврипида, который сказалъ такъ: „Къ народу говорить я не столько искусенъ, за то болѣе находчивъ въ небольшомъ обществѣ равныхъ себѣ людей. Въ этомъ есть своего рода преимущество: люди, умѣющіе увлекать толпу, низко стоятъ въ глазахъ мудрецовъ“. Я замѣтилъ также, что тѣ, которые любезными и пріятными рѣчами стараются угождать толпѣ, сами живутъ обыкновенно безнравственно, предаваясь чувственнымъ удовольствіямъ. И, клянусь Зевсомъ, это вполнѣ естественно. Если такіе люди стараются служить удовольствіямъ другихъ, при отсутствіи какого-бы то ни было стремленія къ прекрасному, то едва-ли они истинную добродѣтель и благоразуміе будутъ ставить выше своей веселой и роскошной жизни, или стремиться къ честному вмѣсто удовольствія. Если это такъ, то чему же мы будемъ наставлять своихъ дѣтей и какихъ благъ держаться мы ихъ заставимъ? Прекрасно было бы, конечно, ничего не говорить и ничего не дѣлать необдуманно, хотя, по пословицѣ, „прекрасное трудно“. Вѣдь импровизированныя рѣчи, въ которыхъ неизвѣстно, гдѣ начало и гдѣ конецъ, отличаются пустотою и безсодержательностью. Кромѣ другихъ недостатковъ такіе проворные ораторы впадаютъ также въ крайнюю запутанность рѣчи и болтовню. Подготовка, напротивъ, даетъ рѣчи надлежащую соразмѣрность. Периклъ, по слухамъ, будучи часто приглашаемъ народомъ, отказывался выступать, ссылаясь на свою неподготовленность. И Демосѳенъ, подражатель его въ государственномъ управленіи, когда аѳиняне приглашали его на совѣщаніе, отказывался такимъ же образомъ, употребляя выраженіе: „я не приготовился“. Можетъ быть, это—непровѣренный и вымышленный слухъ, но въ рѣчи противъ Мидія онъ ясно доказываетъ пользу подготовки въ слѣдующихъ словахъ: „я признаюсь, господа аѳиняне, что подготовился, и при этомъ утверждаю, что постарался сдѣлать это

возможно лучше. Вѣдь я былъ бы глупымъ человѣкомъ, если бы, столько претерпѣвъ, даже и теперь еще претерпѣвая, не обдумалъ, какъ слѣдуетъ, того, о чемъ собираюсь говорить". Однако, я совсѣмъ не хочу сказать, что вообще не слѣдуетъ, будто бы, одобрять способности говорить безъ приготовленія, или что не надо примѣнять ее къ предметамъ достойнымъ, — я только утверждаю, что нужно пользоваться ею, какъ лѣкарствомъ. Впрочемъ, до возмужалаго возраста совсѣмъ не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, говорить экспромптомъ, а когда даръ слова укоренится, тогда, при удобномъ случаѣ, можно будетъ говорить безъ подготовки. Ибо какъ тѣ, которые долгое время находились въ оковахъ, хотя бы впослѣдствіи и получили свободу, не могутъ идти вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ цѣпяхъ, но шатаются,—такъ же точно и тѣ, которые въ теченіе долгаго времени не развивали своего краснорѣчія, если когда-нибудь явится имъ необходимость сказать экспромптомъ, ничуть не меньше сохраняютъ тотъ же образъ изложенія. Позволять дѣтямъ говорить безъ подготовки—это значитъ развивать у нихъ крайнее пустословіе. Какой то жалкій живописецъ, какъ говорятъ, показавъ Апеллесу картину, сказалъ: „я написалъ ее въ мигъ". Апеллесъ же отвѣтилъ: „Если бы даже ты не говорилъ, я прекрасно вижу, что она написана поспѣшно; удивляюсь только, что ты не написалъ больше". Итакъ, я совѣтую [я возвращаюсь къ своему предмету] остерегаться и избѣгать какъ высокаго и напыщеннаго изложенія, такъ же точно, въ свою очередь, низкаго и простого слога. Рѣчь чрезмѣрно надутая неумѣстна для произнесенія въ народныхъ собраніяхъ, а сухая не производитъ совершенно никакого впечатлѣнія. Подобно тому, какъ тѣло не только должно быть здоровымъ, но и крѣпкаго сложенія, точно такъ же и рѣчь не только должна быть свободною отъ недостатковъ, но также и сильною. Вѣдь то, что́ безопасно, только похвально, но что́ соединено съ рискомъ, достойно также удивленія. Такого же мнѣнія я держусь и относительно душевнаго настроенія. Не слѣ-

дуетъ быть ни дерзкимъ, ни робкимъ и застѣнчивымъ, потому что первое переходитъ въ безстыдство, а второе въ подобострастіе. Конечно, точно держаться во всѣхъ дѣлахъ середины зависитъ отъ опытности. Между прочимъ, я желаю, покамѣстъ еще касаюсь даннаго вопроса, высказать объ этомъ свое мнѣніе. Я считаю, что однообразная рѣчь ясно свидѣтельствуетъ, прежде всего, объ отсутствіи тонкаго образованія, а затѣмъ и въ смыслѣ чтенія, думаю я, она надоѣдлива и, вообще, нравиться не можетъ, но разнообразіе пріятно какъ въ этомъ, такъ и во всемъ другомъ, подлежащемъ нашему слуху и зрѣнію.

10. Итакъ, мальчикъ изъ хорошей фамиліи не долженъ быть несвѣдущимъ ни въ одной изъ всѣхъ образующихъ такъ называемый „кругъ" наукъ, но изучить ихъ бѣгло, какъ будто бы отвѣдывая каждой, предназначенной къ усвоенію, [ибо невозможно быть совершеннымъ во всемъ], предпочтительно же посвящать себя философіи. Я могу пояснить свое мнѣніе слѣдующимъ сравненіемъ: пріятно, конечно, объѣхать многіе города, поселиться же на жительство полезно въ лучшемъ изъ нихъ. Довольно остроумно говоритъ также философъ Біонъ, именно: какъ женихи Пенелопы, когда не достигали своей цѣли, вступали въ связь съ ея служанками, такъ изнуряютъ себя предметами, не имѣющими никакой цѣнности, и тѣ, которымъ философія тяжела въ сравненіи съ другими науками. Словомъ, необходимо дѣлать философію какъ бы исходнымъ пунктомъ всего воспитанія. Для сохраненія тѣла люди придумали двѣ науки: медицину и гимнастику; изъ нихъ одна доставляетъ здоровье, а другая—крѣпость. Для болѣзней же и страданій души единственнымъ лѣкарствомъ является философія. Благодаря ей и съ помощью ея учатся постигать, что́ прекрасно, постыдно, справедливо и несправедливо, чего, вообще, нужно желать и чего избѣгать, какъ слѣдуетъ держать себя въ разсужденіи боговъ, по отношенію къ родителямъ, старшимъ, законамъ, иноземцамъ, государственнымъ сановникамъ, друзьямъ, женамъ, дѣтямъ и рабамъ. Фило-

софія учитъ, что нужно чтить боговъ, почитать родителей, уважать старшихъ, повиноваться законамъ, подчиняться начальникамъ, любить друзей, быть благоразумными по отношенію къ женамъ, быть ласковыми съ дѣтьми и не обходиться жестоко съ рабами; самое же главное — въ счастьи не предаваться чрезмѣрной радости, въ несчастьи не печалиться, въ удовольствіяхъ не быть неумѣреннымъ, въ гнѣвѣ пылкими и звѣроподобными. Это я считаю наиболѣе заслуживающимъ вниманія и полезнымъ изо всего, что́ преподноситъ намъ философія. Быть благороднымъ въ несчастьи—это признакъ мужественнаго человѣка, не возбуждать зависти въ несчастьи — это свойство скромнаго человѣка, благоразумiемъ преодолѣвать удовольствія — мудраго, владѣть гнѣвомъ — незауряднаго человѣка. Наконецъ, достигшими полнаго совершенства я признаю тѣхъ людей, которые съ философіею могутъ соединить и ею разбавить искусство приличной гражданину жизни; они достигаютъ, по моему мнѣнію, двухъ существенныхъ и великихъ благъ: полезной для общества жизни, пока занимаются политической дѣятельностью, и жизни спокойной и тихой, пока занимаются философіею. При существованіи трехъ родовъ жизни, изъ которыхъ одинъ дѣятельный, другой созерцательный, третій сибаритскій, послѣдній является необузданнымъ, подчиненнымъ удовольствіямъ, скотскимъ и мерзкимъ; созерцательный безъ дѣятельнаго — безполезнымъ, дѣятельный безъ философіи — неискуснымъ и скользкимъ. Поэтому изо всѣхъ силъ необходимо стараться — и служить государству, и, насколько позволитъ время, отдаваться философіи. Такъ поступалъ Периклъ, Архитъ изъ Тарента, Діонъ изъ Сиракузъ, Эпаминондъ изъ Ѳивъ; оба послѣдніе были дружны съ Платономъ. Я не знаю, что́ еще слѣдовало бы сказать о надлежащемъ образованіи. Кромѣ того, что я сказалъ, можетъ быть очень полезнымъ, если не необходимымъ, не пренебрегать также пріобрѣтеніемъ древнихъ сочиненій, но собирать и пользоваться ими, какъ хорошій хозяинъ пользуется своими

земледѣльческими принадлежностями. Средствомъ познанія является не обладаніе, а пользованіе книгами, изъ которыхъ извлекать нужно знанія, какъ бы изъ источника.

11. Не слѣдуетъ также пренебрегать тѣлесными упражненіями, но, посылая мальчиковъ къ учителю гимнастики, надо заставить ихъ научиться всему относящемуся сюда какъ для тѣлесной стройности, такъ и для тѣлесной силы. Прекрасное тѣлосложеніе въ юности является основаніемъ здоровой старости. И какъ въ хорошую погоду слѣдуетъ заготовлять все, что́ необходимо бываетъ во время бури, такъ и въ юности нужно вырабатывать умѣренность и воздержность въ качествѣ сбереженія на старость. Однако, необходимо такъ регулировать напряженіе, чтобы мальчики отъ чрезмѣрнаго упражненія не теряли силъ и не становились неспособными къ ученію, потому что сонъ и изнуреніе, по Платону, суть враги ученія. Но что это значитъ? Я спѣшу сказать о томъ, что́ является, по моему мнѣнію, самымъ существеннымъ. Нужно упражнять юношей въ военныхъ дѣлахъ, особенно въ бросаніи пикъ, метаніи стрѣлъ и травлѣ звѣрей Вѣдь „имущество побѣжденныхъ“ въ битвахъ „достаётся, какъ награда, побѣдителямъ“. Война не терпитъ нѣжнаго тѣлосложенія; сухощавый же солдатъ, закаленный на войнѣ и въ борьбѣ съ атлетами, пробивается черезъ цѣлыя фаланги непріятелей. Меня, пожалуй, упрекнутъ въ томъ, что я пообѣщалъ дать наставленія относительно воспитанія дѣтей благороднаго происхожденія и, упуская изъ виду воспитаніе бѣдныхъ и простыхъ гражданъ, рѣшилъ дѣлать предписанія, которыя годятся только для богатыхъ. Но отвѣтить имъ не трудно. Я очень хотѣлъ бы, чтобы это руководство всѣмъ, вообще, было полезнымъ; но кто, испытывая нужду, не въ состояніи будетъ воспользоваться моими наставленіями, тѣ пусть винятъ въ этомъ свою судьбу, а не того, кто хочетъ помогать имъ совѣтомъ. Однако, бѣдные также должны, по силѣ, стараться давать своимъ дѣтямъ наилучшее воспитаніе; если же это не удается, то слѣдуетъ пользоваться возможнымъ.

Я отмѣтилъ это разъ навсегда, чтобы потомъ по порядку излагать и все остальное, что́ касается правильнаго воспитанія дѣтей.

12. Я утверждаю также, что необходимо побуждать мальчиковъ къ благороднымъ занятіямъ ободреніями и увѣщаніями, но, клянусь Зевсомъ, не побоями и ругательствами. Послѣднія, по моему, годятся скорѣе для рабовъ, чѣмъ для благородныхъ. Испытываніе болей отъ ударовъ, а равно также оскорбительныя обращенія дѣлаютъ дѣтей неподвижными и внушаютъ отвращеніе къ работѣ. Похвалы и порицанія для благородныхъ болѣе полезны, чѣмъ всевозможныя оскорбленія, такъ какъ первыя поощряютъ къ прекрасному, а вторыя удерживаютъ отъ постыднаго. Должно, однако, пользоваться похвалами и порицаніями попеременно и осмотрительно. Когда дѣти выходятъ изъ предѣловъ дозволеннаго, слѣдуетъ пристыживать ихъ выговорами и потомъ, когда они приходятъ въ уныніе, ободрять похвалами, подражая кормилицамъ, которыя, вызвавъ у дѣтей плачъ, въ утѣшеніе снова подставляютъ имъ грудь. Слѣдуетъ только беречься, чтобы похвалами не дѣлать дѣтей надменными и высокомѣрными, потому что, благодаря чрезмѣрнымъ похваламъ, они становятся гордыми и чванными.

13. Я знаю и такихъ родителей, которые, желая проявить къ своимъ дѣтямъ сильную любовь, поступаютъ какъ бы изъ чувства скорѣе противоположнаго характера. Я хочу на примѣрѣ выяснить, что́ это значитъ. Желая, чтобы дѣти скорѣе во всемъ усовершенствовались, родители возлагаютъ на нихъ столько излишней работы, что дѣти падаютъ подъ бременемъ усиленныхъ трудовъ; кромѣ того, недовольные испытываемыми страданіями, они исполняютъ свое дѣло, ввѣривъ своихъ сыновей педагогамъ и учителямъ, и совершенно не заботятся о томъ, чтобы самимъ видѣть или слышать, чему учатъ ихъ дѣтей. Это — непростительная ошибка.

Они должны сами отъ времени до времени провѣрять успѣхи своихъ дѣтей, не полагаясь на добрую волю наёмника. Да и воспитатели будутъ больше прилагать старанія,

если будутъ знать, что имъ часто придется давать отчетъ. Сюда относится довольно остроумное замѣчаніе одного конюха, что ни отъ чего лошадь не бываетъ такою сытой, какъ отъ хозяйскаго глаза. А изо всего наиболѣе необходимо упражнять и развивать память дѣтей, потому что это, такъ сказать, кладовая нашихъ знаній; по этой же причинѣ древніе распространили миѳъ о томъ, что Мнемозина является матерью Музъ, давая этимъ понять, что только память можетъ производить и „выводить“ знанія. Поэтому упражненіе памяти должно имѣть мѣсто въ обоихъ случаяхъ, будутъ ли дѣти имѣть отъ природы хорошую память, или, напротивъ, слабую. Въ одномъ случаѣ мы укрѣпимъ избытокъ природы, въ другомъ пополнимъ недостатокъ ея и, такимъ образомъ, одни превзойдутъ прочихъ, а тѣ — будутъ лучше, чѣмъ были. Гезіодъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „если бы ты къ малому прибавлялъ помалу и безпрестанно такъ поступалъ, то вскорѣ это малое сдѣлалось бы великимъ“. Сверхъ того, отцы должны также знать, что та сторона образованія, которая изощряется памятью, полезна не только въ качествѣ извѣстнаго знанія, но является также важнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ житейскихъ дѣлахъ. Вѣдь памятованіе прошлаго служитъ урокомъ благоразумія относительно будущаго.

14. Кромѣ того, необходимо беречь своихъ сыновей отъ сквернословія, „потому что рѣчь“, — какъ говоритъ Демокритъ, — „это тѣнь дѣйствія“. При всемъ этомъ, нужно, конечно, пріучать дѣтей быть общительными и обходительными, потому что ничто не заслуживаетъ отвращенія въ такой степени, какъ характеръ людей недоступныхъ. Далѣе, дѣти не будутъ непріятными во время разговоровъ, если не будутъ стараться всегда одерживать верхъ въ разсужденіяхъ; хорошо — не только умѣть побѣждать, но также и быть побѣжденнымъ, гдѣ вредно одерживать верхъ. Вѣдь, бываетъ, дѣйствительно, также Кадмейская побѣда. Въ данномъ случаѣ я могу сослаться на свидѣтельство мудраго Эврипида, у котораго читаемъ: „когда двое разговариваютъ, и одинъ изъ

БИБЛІОТЕКА
ПРОФЕССОРА З
Г. Е. ЖУРАКОВСКОГО

нихъ выходитъ изъ себя, то умнѣе поступаетъ тотъ, кто не противорѣчитъ". Теперь я долженъ еще сказать о нѣкоторыхъ вещахъ, въ которыхъ молодымъ людямъ нужно упражняться такъ же много, если даже не больше, какъ и въ вышеупомянутыхъ. Это суть слѣдующія: жить скромно, сдерживать языкъ, преодолѣвать гнѣвъ и не давать воли рукамъ. Должно разсмотрѣть, какъ важно каждое изъ этого; понятнѣе будетъ на примѣрахъ. Начну съ послѣдняго: нѣкоторые, простирая свои хищныя руки къ деньгамъ, помрачили славу прежней жизни. Такъ, лакедемонянинъ Гилиппъ былъ изгнанъ изъ Спарты за то, что „освободилъ" мѣшки съ казенными деньгами. Обузданіе гнѣва — свойство мудраго человѣка. Когда одинъ очень наглый и безстыдный юноша толкнулъ ногой Сократа, то послѣдній, видя, что окружающіе отъ негодованія шумятъ и имѣютъ сильное желанія „проучить" оскорбителя, сказалъ: „а если бы меня лягнулъ оселъ, то пожелали бы вы отвѣтить ему тѣмъ же?" Всетаки юношѣ не прошло это даромъ: напротивъ, такъ какъ всѣ бранили его и называли лягающимся, то онъ повѣсился. Далѣе, когда Аристофанъ ставилъ „Облака" и наносилъ Сократу всевозможныя оскорбленія, одинъ изъ присутствующихъ сказалъ: „будучи столь осмѣяннымъ въ комедіи, не испытываешь ли ты, Сократъ, негодованія?" — „Клянусь Зевсомъ, нѣтъ! отвѣтилъ Сократъ, „потому что насмѣшки комедіянта въ театрѣ все равно, что выходки шута на большой пирушкѣ" [1]). Съ этимъ совершенно согласно поведеніе Архита изъ Тарента и Платона. Когда Архитъ, по возвращеніи съ войны (гдѣ онъ былъ стратегомъ), нашелъ поле въ запустѣніи, то призвалъ своего управителя и сказалъ: „ты бы не остался безнаказаннымъ, если бы я не былъ въ настоящее время раздраженъ до крайности". Платонъ же, разгнѣванный сластолюбивымъ и распутнымъ рабомъ, призвалъ своего племянника Спевзиппа и сказалъ: „пойди, накажи его, а то я страшно те-

[1]) на которыя не сердятся.

перь разсердился". Трудно подражать имъ въ этомъ, скажетъ кто-нибудь. Я съ этимъ согласенъ. Однако, имѣя въ виду эти примѣры, необходимо всѣми силами стараться подавлять вспышки гнѣва, не знающаго удержа. Вѣдь мы, хотя не можемъ сравняться съ этими мужами и въ остальномъ, какъ-то въ знаніяхъ, и въ добродѣтели, однако, являемся передъ ними, словно предъ богами, въ родѣ священнослужителей и свѣщеносцевъ [1]) мудрости, стараемся, по возможности, подражать и слѣдовать имъ. Далѣе, если кто считаетъ маловажнымъ и ничтожнымъ обузданіе языка (объ этомъ остается мнѣ еще сказать), тотъ жестоко погрѣшаетъ противъ истины. Молчать, когда слѣдуетъ, мудро; такое молчаніе лучше всякаго слова. По этой же причинѣ, мнѣ кажется, древніе ввели мистеріи, чтобы, наученные на нихъ держать въ тайнѣ видѣнное и слышанное, мы также благоговѣйно и вѣрно сохраняли порученныя намъ человѣческія тайны. Вѣдь никто не пожалѣлъ о томъ, что помолчалъ. Напротивъ, очень многіе раскаялись въ томъ, что не удержали языка; надо имѣть въ виду, что выпустить тайну — совсѣмъ не трудно, но сказанное сдѣлать несказаннымъ уже никакимъ образомъ нельзя. Я слыхалъ, какъ припоминаю, массу разсказовъ о людяхъ, которые, благодаря невоздержному языку, подверглись величайшимъ бѣдствіямъ. Оставивъ въ сторонѣ другихъ, я напомню для доказательства объ одномъ или двухъ. Когда Филадельфъ сочетался бракомъ съ своей сестрою Арсиноей, Зоталъ сказалъ: „ты вкладываешь ключъ, куда не слѣдуетъ", и вслѣдствіе этого долгое время гнилъ въ тюрьмѣ, получивъ за свою неумѣстную болтливость наказаніе-не незаслуженное, и вотъ, чтобы потѣшить другихъ, ему пришлось потомъ самому долго плакать. Въ этомъ же родѣ невоздержнымъ на языкъ былъ и софистъ Ѳеокритъ, только пострадалъ онъ ужъ гораздо сильнѣе. Когда Александръ приказалъ грекамъ приготовить порфировыя одежды, имѣя

[1]) факелоносцевъ.

въ виду, по возвращеніи съ похода, принести богамъ жертву въ знакъ одержанной надъ врагами побѣды, и когда всѣ поголовно вносили нужную сумму, то Θеокритъ сказалъ: „раньше я не зналъ, а теперь вполнѣ понимаю, что значитъ „порфировая смерть“ Гомера“. Такимъ образомъ, въ лицѣ Александра онъ нажилъ себѣ врага. Онъ же царю македонскому Антигону, который на одинъ глазъ былъ кривой, язвительно напомнилъ объ этомъ недостаткѣ и тѣмъ привелъ его въ неистовый гнѣвъ. Антигонъ, посылая къ Θеокриту своего главнаго повара Эвтропіона, который тогда исправлялъ эту должность, приглашалъ его для собесѣдованій. Такъ какъ Эвтропіонъ, исполняя приказаніе, не разъ обращался по этому поводу къ Θеокриту, послѣдній сказалъ: „я вполнѣ увѣренъ, что ты хочешь преподнести меня Циклопу,— не варя не жаря“ – одного задѣвая тѣмъ, что онъ одноглазый, а другого тѣмъ, что онъ поваръ. Эвтропіонъ отвѣтилъ: „это тебѣ не пройдетъ даромъ: отвѣтишь головою за свое безразсудство и дерзкій языкъ“; затѣмъ донесъ объ этомъ царю, а тотъ приказалъ покончить съ Θеокритомъ.

Помимо всего этого, должно еще (это чрезвычайно важно) пріучать молодыхъ людей говорить правду. Ложь низка, а потому должна быть ненавистна всѣмъ людямъ и непозволительна даже рабамъ маломальски порядочнымъ.

15. При изложеніи всѣхъ этихъ правилъ относительно благопристойности и благоразумія молодыхъ людей мнѣ ни разу не пришлось въ чемъ-либо усумниться, или быть нерѣшительнымъ. Относительно же того, о чемъ я имѣю въ виду сказать, мои мнѣнія какъ бы раздваиваются; и словно на вѣсахъ, опускаются то на ту, то на другую сторону и не могу высказаться рѣшительно; большое сомнѣніе удерживаетъ меня—какъ совѣтовать, такъ и отговаривать. Но, все-таки, я долженъ отважиться на то, чтобы поговорить объ этомъ.

Спрашивается, именно: должно-ли разрѣшать любовныя сношенія съ мальчикомъ, или, напротивъ, слѣдуетъ удерживать отъ этого и запрещать? Когда я вижу строгихъ, суроваго нрава, съ тяжелою рукой отцовъ, которые такія сношенія считаютъ за безчестіе своимъ дѣтямъ, я воздерживаюсь совѣтовать и одобрять педерастію. Когда же съ другой стороны мнѣ приходятъ на умъ Сократъ, Платонъ, Ксенофонтъ, Эсхинъ, Кебетъ и вообще тѣ, которые одобряли педерастію и черезъ нее способствовали развитію у молодыхъ людей образованности, тонкаго обращенія и честныхъ нравовъ, то я снова мѣняю свое мнѣніе и чувствую, что готовъ подражать этимъ людямъ. Къ тому же вспоминаются и слова Эврипида, который говорилъ: „вѣдь есть еще между смертными иная любовь -- это любовь справедливой, непорочной души“. Я не могу обойти молчаніемъ также изреченіе Платона не то серьезное, не то въ шутку: мужчинамъ—деблагороднаго состоянія, говоритъ онъ, можно разрѣшать „любить“ всякаго красавца, какого они захотятъ. Итакъ, педерастію слѣдуетъ запрещать тѣмъ, которые преслѣдуютъ лишь плотское удовольствіе, педерастія же духовная должна быть поощряема. Соотвѣтственно этому, не можетъ быть рекомендуемъ тотъ родъ „любви“, который практикуется въ Θивахъ и Элидѣ, равнымъ образомъ и такъ называемое Критское похищеніе; любовныя же отношенія въ томъ духѣ, какъ они существуютъ въ Аѳинахъ и Лакедемонѣ, возраженій не вызываютъ.

16. Вообще по данному вопросу каждый пусть поступаетъ, согласно своему убѣжденію. А я, сказавъ по вопросу о воспитаніи добрыхъ и благородныхъ нравовъ въ дѣтскомъ возрастѣ, перейду теперь къ юношескому; предварительно скажу нѣчто въ общихъ чертахъ. Часто я упрекалъ родителей и къ нимъ относилъ начало дурного поведенія дѣтей, въ виду того, что они приставляютъ къ дѣтскому возрасту педагоговъ и учителей, когда же дѣти достигнутъ юношескаго возраста, распускаютъ вожжи, давая просторъ ихъ страстямъ, тогда какъ, напротивъ, юношескій возрастъ требуетъ гораздо больше присмотра и наблюденія, чѣмъ дѣтство. Кто не знаетъ, что дѣтскіе проступки, въ родѣ неуваженія воспитателей, непослушанія учи-

телямъ, въ сущности не серьезны и легко исправимы; напротивъ, проступки юношей, какъ распущенность, воровство отцовскаго имущества, игра въ кости, ночныя пирушки, попойки, любовныя похожденія съ дѣвицами и распутство съ замужними, часто переходятъ всякую мѣру и преступны. По этой причинѣ слѣдуетъ желаніямъ юношей искусно ставить преграды и сдерживать ихъ. Вѣдь возрастъ этотъ даетъ волю страстямъ, не знаетъ удержу и потому нуждается въ уздѣ, такъ что тѣ, которые сильной рукою не сдерживаютъ этого возраста, своимъ неразумiемъ способствуютъ порочности юношей. Итакъ, благоразумные отцы должны особенно въ это время, неусыпно заботиться о своихъ сыновьяхъ, охранять и направлять ихъ путемъ наставленій, угрозъ и обѣщаній, просьбъ, совѣтовъ и увѣщаній, примѣрами какъ тѣхъ, которые въ погонѣ за наслажденіями подверглись несчастіямъ, такъ и тѣхъ, которые своей воздержностью снискали себѣ похвалу и добрую славу. Существуетъ два, такъ сказать, основныя начала добродѣтели: надежда на отличіе и боязнь наказанія; первое побуждаетъ къ прекраснѣйшимъ дѣламъ, второе предотвращаетъ отъ порока.

17. Вообще, сдѣдуетъ удерживать юношей отъ дурныхъ компаній, чтобы, вслѣдствіе знакомства съ людьми испорченными, чего-нибудь отъ нихъ не „пристало". Это Пиѳагоръ изложилъ въ загадочныхъ изреченіяхъ, которыя я здѣсь передамъ и объясню, какъ способствующія развитію добродѣтели. Напримѣръ: „не ѣшь мелянуръ (чернохвостыхъ)", т.-е. избѣгай людей, почернѣвшихъ отъ пороковъ. „Не перепускай безмѣна", т. е. наблюдай справедливость и за предѣлы ея не выступай. „Не сиди на хойникѣ" — не предавайся праздности и прилагай стараніе о хлѣбѣ насущномъ. „Не всякому подавай правую руку"—т. е. выбирай друзей осмотрительно. „Кольцо, которое жметъ (палецъ), не носи" — добивайся свободной жизни, не надѣвай на себя добровольно цѣпей. „Не разгребай огня мечемъ" — не раздражай гнѣвнаго (это не годится): удобнѣе уступить. „Не ѣшь сердца"— не терзай свою душу снѣдающими заботами. „Воздерживайся

отъ бобовъ", т. е. воздерживайся отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, потому что бобы раньше употреблялись при подачѣ голосовъ при избраніи должностныхъ лицъ. „Не клади кушанья въ урыльникъ" — не обращайся съ ученіемъ о прекрасномъ къ людямъ негоднымъ, потому что ученіе есть пища для души, которую низость людская загрязняетъ. „Дойдя до границъ, не возвращайся обратно", т. е. когда настанетъ часъ смертный и увидишь уже предѣлъ жизни, спокойно отнесись къ этому и не предавайся печали.

Но возвращусь къ тому вопросу, отъ котораго я сдѣлалъ отступленіе. Должно удалять юношей, о чемъ я говорилъ и выше, ото всѣхъ порочныхъ людей, болѣе же всего отъ „прихвостней". Что я часто и многимъ отцамъ говорилъ, то и теперь скажу, именно: нѣтъ пагубнѣе этого сорта людей; никто такъ сильно и скоро не развращаетъ юношество, какъ льстецы, которые и отцовъ, и дѣтей губятъ въ конецъ; однимъ они отравляютъ старость, а другимъ юность, такъ какъ всѣхъ ихъ обольщаютъ, какъ неотразимою приманкой, давая совѣты наслаждаться. Богатые отцы побуждаютъ своихъ сыновей къ трезвостн, цѣломудрію, бережливости и трудолюбію; льстецы, напротивъ, внушаютъ имъ опьяненіе, распутство, расточительность и лѣность. „Наша жизнь, говорятъ они, очень мала: пользоваться надо ею, а не пропускать случая". Что намъ бояться угрозъ отца? Онъ вѣдь уже изъ ума выжилъ и одной ногою уже въ гробу. Не нынче-завтра мы его поднимемъ къ „выносу" Затѣмъ, иные доставляютъ имъ распутныхъ женщинъ, или сводничаютъ съ замужними и учатъ грабить и расхищать у родителей все то, что тѣ сберегли для себя на старость. Это—мерзкая порода людей, лицемѣры въ дружбѣ, не имѣющіе никакого понятія о благородствѣ (которое есть признакъ истиннаго друга), прислужники богачей, высокомѣрные по отношенію къ бѣднымъ; благодаря своему какъ бы музыкальному искусству, они умѣютъ вкрадываться въ довѣріе юношества, скалятъ зубы, когда ихъ благодѣтели смѣются; это какъ бы подложные и незаконнорожденые члены человѣческаго общества, поддѣлы

вающіеся къ богатымъ, по положенію собственно свободные, но по роду жизни раболѣпствующіе; если надъ ними не издѣваются они считаютъ это за обиду, потому что въ такомъ случаѣ ихъ даромъ кормятъ. По этой причинѣ отцы, если только желаютъ видѣть своихъ сыновей прекрасно воспитанными, должны вышвыривать эту негодную скотину. Не меньше должны они также охранять своихъ дѣтей отъ пороковъ школьныхъ товарищей, потому что и эти способны растлѣвать мальчиковъ самыхъ прекрасныхъ по природѣ.

18. Все это хорошо и полезно. Прибавлю кое-что, что вытекаетъ изъ чувства человѣколюбія. Я, именно, настаиваю на томъ, чтобы отцы не были черезъ-чуръ строгими и непреклонными, по отношенію къ дѣтямъ; нерѣдко не лишне на нѣкоторые проступки юношества смотрѣть сквозь пальцы, припоминая свою молодость. Подобно тому, какъ врачи, смѣшивая горькія лекарства съ сладкими соками, имѣютъ въ виду оказать пользу съ помощью пріятнаго, такъ и отцы должны суровые выговоры растворять мягкостью обращенія и, попустительствуя слабостямъ сыновей то опускать вожжи, то снова ихъ натягивать, особенно же слѣдуетъ относиться снисходительно къ промахамъ молодежи или по крайней мѣрѣ стараться сокращать гнѣвъ свой. Во всякомъ случаѣ (если уже выбирать, то) лучше, если отецъ вспыльчивъ, но скоро отходчивъ, чѣмъ, если вѣчно сердитый, потому что постоянное раздраженіе и непримиримое отношеніе служитъ немалымъ доказательствомъ того, что отецъ не любитъ своихъ дѣтей. Хорошо также иногда представляется, чтобы того или другого проступка совсѣмъ не замѣтить и, такъ какъ подъ старость обыкновенно зрѣніе и слухъ становятся хуже, то эту слабость чувствъ и примѣнять къ тому, чтобы иное, видя, не видѣть и, слыша, не слышать. Если мы снисходительны къ недостаткамъ друзей, то что удивительнаго въ такомъ же отношеніи къ дѣтямъ, когда мы болѣе, чѣмъ часто, смотримъ сквозь пальцы на рабовъ, когда они выпивши или съ похмѣлья. Ты былъ когда то бережливымъ, теперь невредно тебѣ и раскошелиться! Ты нѣкогда былъ неумолимымъ, умѣй

же нынѣ быть и снисходительнымъ. Твой сынъ, съ помощью раба, „выпасъ" у тебя кое-что изъ стада, уведя съ поля пару воловъ—удержи свой гнѣвъ! Пришелъ онъ домой, и отъ него сильно пахнетъ послѣ попойки—изобрази, что не замѣчаешь. Отдаетъ отъ него „духами" *извѣстнаго сорта* — помолчи! Такими пріемами обуздывается своенравная юность.

19. Тѣхъ же юношей, которые слишкомъ предаются чувственнымъ удовольствіямъ и не поддаются никакимъ уговорамъ, нужно постараться оженить: бракъ — это самые надежные „путы" для молодого человѣка. Слѣдуетъ, однако, для сыновей выбирать такихъ женъ, которыя не очень превосходили бы ихъ знатностью рода или богатствомъ; вѣдь мудро изреченіе: „гони подходящимъ тебѣ путемъ". Кто женится на неровнѣ, тотъ незамѣтно для себя становится не мужемъ жены, а рабомъ ея приданаго.

20. Прибавивъ еще немного, я закончу свои наставленія. Прежде всего сами отцы неукоснительнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей должны являть прекрасный примѣръ для дѣтей, чтобы послѣдніе, всматриваясь, какъ въ зеркало, въ ихъ образъ жизни, отвращались отъ постыдныхъ поступковъ и словъ. Тѣ отцы, которые, набрасываясь съ упреками на сыновей, сами впадаютъ въ тѣ же пороки,—обвиняютъ въ лицѣ дѣтей въ сущности самихъ себя. Вообще говоря, люди порочной жизни лишены смѣлости наказывать даже рабовъ, не говоря уже о сыновьяхъ. Подобные отцы могутъ быть для своихъ дѣтей наставниками и учителями всякихъ безобразій. Если безстыдны старики, то юноши, неизбѣжно, бываютъ наибезстыднѣйшими. Поэтому нужно приложить особенное стараніе ко всему тому, что имѣетъ цѣлью разумное воспитаніе дѣтей, подражая той Эвридикѣ, которая, не смотря на то, что происходила изъ Иллиріи и была женщина совершенно необразованная, для того, чтобы имѣть возможность обучить своихъ дѣтей, въ преклонныхъ уже лѣтахъ принялась изучать науки. Слѣдующая надпись, посвященная ею Музамъ, служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ столь сильной любви ея къ дѣтямъ: „Эвридика изъ

Гіерополиса, страстно охваченная похвальнымъ стремленіемъ къ знанію, посвятила это Музамъ. Вѣдь она, будучи матерью сыновей уже на возрастѣ, постаралась изучить науки—сокровище мудрости".

Относительно всѣхъ этихъ наставленій, которыя я изложилъ здѣсь, правильнѣе, конечно, лишь пожелать, чѣмъ требовать, чтобы они были осуществлены цѣликомъ. Проведеніе же въ жизнь большинства изъ нихъ вполнѣ возможно, хотя это требуетъ благопріятныхъ обстоятельствъ и большого старанія.